

Социальная политика. Социальная структура

© 2019 г.

М.Х. ФАРУКШИН

ТЕХНОКРАТИЯ: НАДЕЖДЫ И РИСКИ

ФАРУКШИН Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия (Midkhat.Farukshin@kpfu.ru).

Аннотация. Рассматриваются положения современных концепций технократии с учетом той роли, которую технократы играют в обществе и, прежде всего, в сфере управления. Раскрывая специфические признаки технократии как составной части правящей группы, автор показывает высокие потенциальные возможности технократов в силу имеющихся у них специальных знаний и организаторских способностей. Дан анализ распространенных в научной литературе утверждений о рисках, сопряженных с деятельностью технократов. Главным из них считается ограничение или отрицание демократии при господстве технократии. В отличие от утверждающих о несовместимости технократии, основанной на приоритете профессионализма в управлении, и демократии как народовластия, автором обосновывается идея о несовместимости технократии не с демократией вообще, а скорее с прямой демократией. В принципе технократическая власть возможна при сохранении основных институтов и принципов представительной демократии, но при определенном ограничении массового политического участия как способе решения проблем, требующих специальных познаний. Предлагаются варианты сочетания профессионализма в управлении с демократическим участием общественности. Особое внимание уделено одному из коренных положений концепции технократии – об аполитичности технократов и их отстраненности от идеологических соображений, а также об отсутствии у этой группы интереса к социальной политике. Автором отрицается существование непреодолимого барьера между технократами и политиками, обосновывается зависимость технократов от политической и идеологической среды.

Ключевые слова: технократия • технократы • управление • демократия • массовое политическое участие • политика • аполитичность

DOI: 10.31857/S013216250004959-7

В последние годы в российской кадровой политике стало более заметным назначение на должности в политико-управленческом аппарате, в том числе на региональном уровне, так называемых технократов. Это – не новая практика, и связана она не только с современным этапом развития России. Как известно, идеи технократизма начал активно развивать еще в начале XX в. американский экономист и социолог Т. Веблен. Корни современных работ по техницизму и технократизму произрастают из концептуальных трудов 1960–1970-х гг. У. Ростоу («стадии роста»), Р. Арона («зрелое индустриальное общество»), Э. Тоффлера («третья волна»), Зб. Бжезинского («технотронное общество»), Дж. Гэлбрейта («новое индустриальное общество»), Д. Белла («постиндустриальное общество»).

Распространение идей технократии во второй половине XX в. обусловлено процессами зрелой индустриализации и НТР. Концепция технократии до сих пор вызывает значительный резонанс в дискуссиях обществоведов, отражая восторг одних и довольно резкую

критику других: «Хотя технократические правительства – не новое явление на европейской политической сцене, представляется, что они стали особенно широко распространенной формой правительства в последнее время» [Caramani, 2017: 53]. В 1980–2000-е гг. было опубликовано большое число работ, посвященных позиции технократов при решении конкретных проблем (см., например, [Sawyer et al., 1981: 159–172; Sheppard, 1997: 139–167]) или их роли в разных странах [Costa Pinto et al., 2018].

Хотя проблема «технократы во власти» получила широкое освещение в научной (особенно зарубежной) литературе, некоторые ее аспекты нуждаются в дальнейшей разработке. Так, не раскрыта совокупность признаков, характеризующих технократов и выделяющих их среди других правящих групп. Заслуживают исследования действительная роль технократов в политической жизни, критическая оценка распространенных представлений о несоместимости технократии с демократией, об аполитичности и идеологическом нейтралитете технократов, об игнорировании социальных проблем при технократическом правлении. Представляет интерес отражение указанных идей технократизма в новейшей научной литературе, хотя объективно за последние 50 лет концептуальные характеристики технократии мало изменились. Анализ этих проблем, относящихся к предмету политической социологии, составляет содержание настоящей статьи.

Что такое технократия? К числу нерешенных относится вопрос, что понимается под технократией – каковы те признаки, которые отличают технократов от других правящих групп. В этом плане категорически недостаточно определять технократию лишь как «режим правления экспертов» [Corrias, 2017: 490]. Определение границ технократии чрезвычайно важно, чтобы выяснить ее суть и не смешивать технократов со всеми специалистами, так или иначе связанными с научно-техническим развитием страны, или с иными субъектами власти и управления. Тем более что, как отмечалось в отечественной литературе, сегодня в общественных науках понятие «технократия» имеет шесть распространенных толкований [Левкина, 2017: 13–20]. В зарубежной литературе также справедливо отмечалось довольно вольное использование термина «технократия»: «Хотя лица с технологическими и административными знаниями и опытом, очевидно, имеют решающее значение в современных государствах, понятие «технократ» остается неопределенным и имеет ограниченную описательную и предсказательную ценность» [Centeno, 1993: 309].

Технократия – это своеобразная политически правящая группа, в которую входят инженеры, ученые и другие специалисты. Их функция – управление на основе специальных знаний. Однако это, как представляется, бесспорное положение требует адекватного истолкования.

Во-первых, нужно все-таки исходить из этимологии слова «технократия». Следует признать, что речь идет не вообще о специалистах, а в первую очередь о специалистах в области техники, технологий и науки, имеющих преимущественно естественнонаучное, техническое и экономическое образование, и, следовательно, об использовании этих знаний в управлении в сфере материального и научно-технического производства.

Во-вторых, есть сферы, непосредственно не связанные с технико-технологическими проблемами: образование, здравоохранение, культура, искусство, спорт, правоохрана и др. Специалистов-управленцев, занятых в таких сферах, трудно отнести к собственно технократам.

В-третьих, можно иметь технократический склад ума, обладать естественнонаучными и техническими знаниями, проявить себя как ученый, конструктор, инженер и т.д., но не быть технократом. Все-таки непременным признаком последнего является включенность его в систему управления либо в качестве управленца, принимающего решения, как правило, на высоком уровне в иерархической системе управления, либо советника, консультанта или эксперта, которые тоже косвенно участвуют в подготовке, разработке и принятии решений. Примером может быть экономист С.Ю. Глазьев, окончивший МГУ им. М.В. Ломоносова с дипломом по «экономической кибернетике», в 1992–1993 гг.

министр внешних экономических связей Российской Федерации, в настоящее время – советник президента РФ.

В-четвертых, специалистов, имеющих естественнонаучную, техническую или экономическую подготовку и занимающих руководящие должности в системе управления, можно считать технократами только в том случае, если указанная подготовка соответствует предмету их управленческой деятельности. Иначе говоря, сами по себе естественнонаучные, технические и экономические знания не делают человека технократом, если они не имеют отношения к характеру его работы в сфере управления.

Таким образом, *технократ – это управленец, обладающий специальными (не гуманитарными) знаниями, которые он использует в своей профессиональной деятельности.*

В то же время не следует отождествлять технократию с меритократией. Последнее понятие шире по объему и охватывает не только технократов, но и других специалистов-управленцев, к которым понятие «технократ» не применимо. Имеются в виду специалисты, занятые в управлении иными, названными выше, сферами (образование, здравоохранение и др.). Здесь тоже нужны высококлассные специалисты, которых можно отнести к меритократии. Понятием «меритократия» обозначают правление всех специалистов (включая технократов, но не только их).

Основываясь на реальных явлениях – функциональном разделении труда, усилении специализации, усложнении объектов управленческой деятельности, возрастании значения знаний и повышении требований к аппарату управления, сторонники концепции технократии провозгласили неизбежность и универсальный характер формирования нового управленческого класса, класса технократов, которые в силу имеющихся у них знаний, опыта и квалификации овладевают основными рычагами власти и управления. «Ясно, – утверждал, например, Д. Белл, – что в обществе будущего, как бы оно ни определялось, ученый, профессионал, специалист и технократ будут играть преобладающую роль в политической жизни общества» [Bell, 1971: 128].

При общем признании позитивной роли технократов отношение к ним никогда не было однозначным. С одной стороны, сторонники технократизма среди отечественных специалистов с сожалением отмечают дефицит запроса на технократов в нашей стране. А. Ципко считает, что «главный абсурд новой России, страны, которая до сих пор обладает значительным профессиональным ресурсом, – дефицит запроса на технократов, на людей, которые обладают способностью системно мыслить, учитывая все тенденции развития нашей техногенной цивилизации» [Ципко, 2009: 180]. «К сожалению, в России класс технократов еще не сложился» [Безрученко, 2014: 80]. С другой стороны, высказывались негативные оценки технократического мышления и технократов. Технократическое мышление «не в состоянии прогнозировать отдельные альтернативные последствия принятых решений». Технократия обвинялась также в том, что «сам человек выступает для технократа не субъектом, обладающим свободной волей, не мерой всех вещей и не самоцелью, а простым объектом манипулирования» [Кулюткин, 2005: 62].

Технократия vs демократия? Одно из последствий господства технократии, на которое указывают ученые, – это ограничение или даже отрицание демократии как системы политического участия народа. Технократия давно рассматривалась некоторыми учеными как замена демократии. Правление специалистов выдавалось за более высокий уровень управления, за новый этап политической эволюции общества, который приходит на смену демократии [Beckwith, 1972].

Среди зарубежных ученых преобладает мнение, что технократия «ставит под вопрос саму сущность демократии» [Sanchez-Cuena, 2017: 361]. По свидетельству швейцарских политологов, «согласно большинству ученых, технократия и демократия находятся в негативном соотношении» [Eri, Guilia, 2017: 432].

Принижение или отрицание демократии объясняют тем, что «с технократической точки зрения народ не имеет времени, умений или информации для того, чтобы быть способным решить, что является наилучшим в его интересах» [Caramani, 2017: 62].

Необходимость передачи управления в руки специалистов обосновывается, таким образом, тем, что народ вряд ли может решить важные для общества проблемы сам: «Поскольку не очевидно, что народ и его представители будут способны найти такие решения сами, делается вывод, что система работает лучше, если выбор остается в руках тех, кто имеет необходимые навыки и знания» [Sanchez-Cuenca, 2017: 362].

Технократы лучше образованы, имеют больше знаний и более компетентны, чем обычные граждане. Исходя из того, что простые люди не компетентны оценивать их деятельность, делается вывод, что технократия несовместима с подотчетностью народу: «Так как информация и знание могут разрешить проблемы общества, нет необходимости в том, чтобы правительство прислушивалось к народу и было ответственным, потому что люди не являются экспертами» [Ribbhagen, 2011: 24].

В обоснование несовместимости технократии и демократии приводят, как правило, два аргумента: 1) технократы не избираются и в силу этого неподотчетны и неподконтрольны народу; 2) с помощью массового политического участия невозможно принимать рациональные решения сложных задач, стоящих перед обществом и управлением. С технократической точки зрения является сомнительным, «как можно возрастающую потребность принимать решения по очень сложным технико-научным вопросам совместить с правом на демократическое участие» [Bucchi, 2009: IX].

Конечно, демократия предполагает наличие институционального механизма подотчетности и подконтрольности власти обществу как непосредственно, так и через представительные органы государства. Сложнее обстоит дело с управленцами-технократами. Связь между ними и избирателями может быть весьма опосредованной. Многие управленцы, которые влияют на важные управленческие решения (например, советники президента), не подотчетны и не подконтрольны населению. Но даже при всем этом говорить о полной неподотчетности технократов, работающих в сфере государственного управления, не приходится. При любой форме правления технократ в структуре государственной власти подотчетен и несет ответственность перед вышестоящим звеном (звеньями) в иерархии управления – перед политическим руководством, представительным органом власти.

Что касается ограниченных возможностей массового участия в принятии управленческих решений, то следует принять во внимание, что между технократией, отдающей приоритет профессионализму в управлении, и демократией как народовластием, действительно, объективно существует определенное противоречие. Управление – один из видов сложного интеллектуального труда, основанного на применении специальных знаний и на использовании широкой достоверной информации, требующего от управленцев организаторских способностей. В этой связи следует признать абсолютно оправданным акцент технократов на научности управления. «Технократический стиль управления подразумевает сильное доверие количественным инструментам принятия решений и общую склонность быть системным, аналитическим и научным при принятии бизнес-решений топ-уровня» [Covin et al., 2001: 52]. Иначе говоря, технократы как профессионалы, действительно, обладают тем, чего нет у обычной народной массы. Без широких и специализированных знаний, которыми не обладает основная масса населения, невозможно выбирать оптимальные варианты решений сложных экономических, демографических, экологических и других социальных проблем или определять направления научно-технического развития страны. Это нельзя сделать путем массового политического участия, например, в форме всеобщего голосования.

Но готово ли общество отдать всю власть технократии и довольствоваться позицией наблюдателя? Есть ли полная гарантия, что технократы всегда будут адекватно толковать, понимать и отражать интересы общества и отдельных социальных групп? Очевидно, нет. Тем более что управление требует не только специальных познаний по предмету управленческой деятельности, но и точного расчета социальных последствий принимаемых решений и понимания их политического смысла как инструмента удовлетворения интересов

людей, общества в целом. Риск здесь заключается в том, что технократия в погоне за производственным результатом может не учитывать указанные обстоятельства.

Вспомним, например, строительство в СССР Байкало-Амурской магистрали, технократического проекта, который первоначально не обеспечивался одновременным созданием крайне необходимой социальной инфраструктуры. В отличие от этого, в те же 1970-е гг. при строительстве комплекса автомобильных заводов КАМАЗ произошло удачное «разделение труда»: проект осуществлялся под руководством специалистов-управленцев, представлявших разные «технократические» министерства, но политическое руководство (в лице центрального и регионального партийных комитетов) настояло на одновременном строительстве жилья и других социально-культурных объектов.

Технократия не совместима не с демократией как таковой, а с привычными представлениями о демократии, которые не всегда соответствуют современному этапу развития общества. Речь идет о некоторых аспектах массового политического участия как об одном из критериев демократии.

Само политическое участие народа необходимо и даже неизбежно, но оно не может быть инструментом разрешения проблем в тех случаях, когда для этого требуются специальные познания. Обратимся, например, к институту выборов. Его можно широко и успешно применять, не опускаясь, скажем, до абсурдной практики последних лет советской системы – избрания директоров предприятий трудовыми коллективами под предлогом развития производственной демократии.

Не является абсолютной ценностью и такой институт непосредственного политического участия населения, как референдум. Вряд ли есть смысл использовать его, например, при принятии Конституции, если основная масса населения не читает проект. Кроме ознакомления, нужно быть юридически компетентным, чтобы разобраться в закрепленных в Основном законе конституционно-правовых нормах и их взаимосвязях. Однако референдум важен как способ народного волеизъявления по понятным обычному человеку вопросам, как, например, проведенный в Советском Союзе 17 марта 1991 г. референдум о сохранении Союза ССР. В том, что тогда «глас народа» был проигнорирован, «повинны» не технократы, а профессиональные политики.

Одним из выражений противоречия между технократией и демократией является вопрос, возникающий перед избранными политическими лидерами: когда они должны опираться на мнение экспертов при принятии политических решений, а когда следует руководствоваться текущими взглядами граждан [Ryan, 2018: 132]?

Действительно, когда мнение экспертов вступает в конфликт с общественным мнением, то перед политическими лидерами возникает дилемма: какую позицию занять, принимая политическое решение? С одной стороны, они, несомненно, заинтересованы в принятии рационального, просчитанного технократами решения, с другой – им трудно проигнорировать общественное мнение. Возникает ситуация, когда приходится выбирать меньшее из двух зол: политики либо жертвуют перспективной результативностью ради сиюминутного общественного консенсуса, либо соглашаются со временным снижением своей популярности в глазах граждан ради ожидаемых будущих выгод.

Технократическое мышление подсказывает выбор второй альтернативы, тем более что социальные последствия специалисты-технократы в силу «односторонней полноты» своих знаний склонны недооценивать. Так, хотя решение о повышении пенсионного возраста в России в 2018 г. принималось политическим руководством, но обоснование его готовили эксперты, очевидно, не из числа социологов или других представителей гуманитарных знаний. О технократическом характере этого решения свидетельствует то, что не были просчитаны ни его социальные, ни психологические, ни даже политические последствия. В данном случае власть не стала считаться с мнением народа и не допустила референдума, предвидя отрицательный для себя результат. Будущее покажет, удастся ли перспективными выгодами от пенсионной реформы компенсировать текущие потери.

Конечно, реально существующее противоречие между технократией и некоторыми аспектами демократизма невозможно разрешить путем отказа от одной из его сторон. Выход – в совмещении того и другого, какой бы, на первый взгляд, трудноразрешимой ни казалась эта проблема. Следует согласиться, в принципе, с тем, что «технократия и технократы могут быть неотъемлемой частью демократической политической системы» [Кокошин, 2009: 10]. В зарубежной литературе также высказывалось мнение, что, хотя «демократия и технократия – это, в действительности, разные сферы, логика которых не всегда совпадает», они должны сосуществовать как необходимые одна для другой. «Здоровая демократия требует здоровой технократии и *visa versa* [наоборот]» [Gilley, 2017: 14, 19]. Представляется, что наряду с повышением образовательного уровня населения и совершенствованием системы доступной и достоверной информации необходимо предвзвешивать судьбоносные решения широким, компетентным и доступным для понимания обсуждением планов власти, привлечением специалистов для разъяснения общественности особенно сложных профессиональных вопросов. Следует также при возможности и целесообразности разрабатывать альтернативные или поливариантные проекты решений с последующим вынесением их на широкое коллективное обсуждение и т. п. Иначе говоря, желательно, чтобы любой значимый для общенациональных интересов шаг имел организационное и идейно-пропагандистское сопровождение, направленное на снижение различий между мнением специалистов и «гласом народа».

Следовательно, технократия и демократия – не взаимоисключающие явления. Проблема в том, чтобы, учитывая реальные преимущества и ограничения, найти способы их сосуществования и (в идеале) взаимодействия.

Технократы и политики. Согласно признанию многих исследователей технократии, с политикой и политиками у технократов складываются сложные отношения. «Приверженность научному управлению делает технократический проект иногда агрессивно антиполитическим, антиидеологическим и в не меньшей мере также антидемократическим. В этом смысле научное управление внутренне связано с де-политизацией» [Esmark, 2017: 503]. Причина несовместимости политиков и технократов часто усматривается в их разных подходах к целям и к своему месту в системе управления. Действительно, между двумя группами существуют большие различия.

Будучи не избираемыми и непосредственно не подотчетными населению управленцами, озабоченными, прежде всего, профессиональными результатами своей работы, технократы, по широко распространенному убеждению, уделяют мало внимания или вообще игнорируют политические аспекты своей деятельности, тем более что, по общему правилу, они удалены от процесса принятия политических решений. Видимо поэтому, оценивая особенности технократического мышления и поведения, Р. Патнэм отметил, что технократы «считают политические аспекты своей работы отталкивающими. Они настроены антагонистично к политикам, политическим институтам и участию граждан в управлении. Они относительно не чувствительны к социальным интересам и к вопросам справедливости распределения» [Putnam, 1977: 404].

В отличие от технократов политики, напротив, обычно избираемые на свои государственные должности и подотчетные, не могут вообще не чувствовать свою ответственность перед народом, в том числе перед избирателями. Властные институты призваны интегрировать общество, обеспечивать его стабильность и защиту, проводить в жизнь общенациональные интересы. Политики обязаны руководствоваться общественно значимыми социальными ценностями. Политики и политические институты так же нужны обществу, как и технократы. Основание легитимности политиков – поддержка со стороны народа. Для технократов же таким основанием служит владение специализированными знаниями.

Однако нет оснований абсолютизировать возможное противоречие и противостояние технократов и политиков. Во-первых, и те, и другие выполняют работу, которая, как правило, имеет общую направленность, что объективно определяет необходимость их сотрудничества. Как показывает опыт, конструктивное взаимодействие технократов и

политиков дает результаты, удовлетворяющие тех и других. Например, в период проведения рыночных реформ 1990-х гг. в Мексике и Аргентине плодотворным оказалось сотрудничество президентской власти и технократов. С одной стороны, технократы сыграли исключительно важную роль и в определении институциональных препятствий на пути реформы, и в формулировании инновационных стратегий, которые президенты принимали. С другой стороны, технократы получили от президентов полномочия, поддержку и защиту [Williams, 2002: 395–412]. Во-вторых, нет непроходимой стены между технократией и политической элитой. Многие технократы со временем пополняют ряды политической элиты, становясь политиками. Достаточно сослаться на примеры как из советской истории (А.Н. Косыгин прошел путь от наркома легкой промышленности до члена Политбюро ЦК КПСС), так и из недавней российской. Технократы в качестве политиков вполне могут возглавлять управление территориями, входить в состав правительства, парламента, других органов государства. В свою очередь, политики по менталитету и управленческому поведению могут превращаться в технократов.

В настоящее время некоторые исследователи технократии отрицают ее аполитический характер. Об этом свидетельствуют следующие заявления: «пора признать, что опирающиеся на экспертов технократические подходы являются не менее политическими» [Kickbusch, 2016: 201–204]; «сегодня немногие теоретики технократии говорят о замене политики научным и техническим принятием решений» [Ribbhagen, 2011: 26]. Технократы объективно не могут быть свободными от политики. В любом обществе управленческая деятельность осуществляется не во имя абстрактной рациональности, а в целях удовлетворения определенных социальных интересов и потребностей. Технократы работают не в социальном вакууме, а в той политической среде, которая определяет требования к аппарату управления, а также характер и цели управляющей системы. Приоритеты развития общества расставляют, в конечном счете, политики. Им принадлежит право выбора конкретного решения. В таких случаях политики должны выбрать оптимальное решение, отвечающее интересам основной части населения (или, по крайней мере, политически влиятельных групп населения). Технократы же выстраивают свою деятельность в рамках выбранных политиками приоритетов и политического курса, который определяет политическое руководство. В сфере государственного управления технократы наделяются полномочиями верховной властью и находятся под ее контролем. Разумеется, это не препятствует их тесному сотрудничеству с политиками, часто в роли экспертов. «В исследованиях в области политики давно признано важное значение экспертов, работающих бок о бок с политиками в процессе принятия решений» [Costa Pinto et al., 2018: 4].

Одной из основополагающих в концепции технократии является идея несовместимости рационального, основанного на знаниях, управления с идеологическими соображениями. Технократам приписывают сугубо отрицательное отношение к идеологии, считая, что она не должна иметь место в управленческой деятельности. «Технократы отвергают идеологические или моралистические критерии, предпочитая обсуждать политику с практической, “прагматической” точек зрения» [Putnam, 1977: 387]. Идея несовместимости базирующегося на знаниях управления и идеологии основана на противопоставлении науки и идеологии, а соответственно – на исключении идеологического фактора из сферы управленческой деятельности. Показательна в этом отношении теория постиндустриального общества. По свидетельству Х. Лумера, сторонники этой теории считали, что «с возникновением постиндустриального общества, усилением господства профессионализма и технократического образа мысли появляется общество, направляемое не идеологическими соображениями, а наукой и рациональностью» [Lumer, 1973: 34–35].

Во времена СССР тезис об отрицательном отношении технократов к идеологии и руководящей роли партии был популярен в западной советологии. Приход специалистов с производства в партийный аппарат рассматривался некоторыми ее представителями в качестве почвы для деидеологизации КПСС и утраты партийной идеологией роли своеобразной скрепы партии и общества. В этом ракурсе по ассоциации с известным

высказыванием классиков марксизма о рабочем классе как могильщике капитализма упомянутые специалисты назывались «могильщиками коммунизма». Вместе с тем признавалось, что «хотя теории политического развития, которые предопределяли инженерам и менеджерам роль “могильщиков коммунизма”, были обычными в течение около пятидесяти лет, они мало подтверждались на практике» [Azrael, 1966: 173]. Впрочем, еще через 25 лет обнаружилось, что «красные директора» действительно склонны поменять власть на собственность и тем самым «похоронить» советский строй. Поэтому следует признать, что приход в партийный аппарат хозяйственных руководителей, не отягощенных глубокими идеологическими убеждениями, в какой-то степени все же способствовал деидеологизации партийной номенклатуры, а тем самым (возможно, невольно) – постепенному разрушению существовавшей системы.

Действительно, технократы отрешены от всяких идеологических соображений в том смысле, что могут добиваться успехов при любом идеологическом режиме. Однако вряд ли правильно утверждать, что они совершенно идеологически нейтральны. Скорее, они исповедуют идеи сциентизма и техноцентризма, исходящие из решающей роли науки и техники в общественном развитии.

Технократы часто обвиняются в том, что они не просчитывают социальные последствия своих решений и вообще игнорируют вопросы социальной политики, включая в первую очередь вопросы справедливого распределения благ. «Технократия становится проблематичной с демократической точки зрения в тот момент, когда эксперты решают вопросы, касающиеся распределения» [Corrias, 2017: 490]. Отсюда – рекомендация отделить экспертов от решения вопросов распределения благ. «Одно дело обращаться к экспертам по техническим вопросам, в которых главной заботой является эффективность, и совершенно другое – делегировать экспертам обычное принятие политических решений, в которых вопросы распределения являются не менее важными, чем эффективность» [Sanchez-Cuenca, 2017: 361]. Основное возражение в данном случае состоит в том, что, если вопрос касается благосостояния или последствий распределения, то коллективные решения должны основываться на предпочтениях народа, а не на предположительно нейтральных суждениях экспертов.

Действительно, бывают случаи, когда технократически мыслящий руководитель, стремясь добиться максимальных результатов в управлении экономическими или научно-техническими процессами, не уделяет должного внимания вопросам, например, социальной политики. В современной России обсуждаются критические оценки деятельности «молодых технократов» в качестве губернаторов: по данным фонда «Петербургская политика», в большинстве регионов, куда с 2016 г. назначались губернаторы этой «новой формации», индексы социально-политической устойчивости «не изменились или даже оказались хуже, чем при предшественниках» [Бочарова, 2019]. Косвенным показателем системной недооценки технократами социально-культурных вопросов является и то, что, например, в США растет движение в пользу расширения основы технического образования, которое должно сделать «более сильное ударение на социальные вопросы и культурные различия» [Olson, 2016: 135]. Необходимость усиления гуманитарной составляющей естественнонаучного и технического образования отмечается и в России.

Подведем итоги анализа проблемных аспектов роли технократов в современном мире. Технократы составляют определенную правящую группу, специфика которой состоит 1) в характере образования входящих в нее управленцев (которые являются носителями, как правило, естественнонаучных, технических и экономических знаний), а также 2) в особенностях сферы деятельности (преимущественно занятость в управлении материальными и научно-техническими объектами).

Технократия не препятствует функционированию основных демократических институтов. Она несовместима не с демократией, а с некоторыми традиционными представлениями о ней (в частности, с отождествлением ее лишь с прямой демократией, когда решения по всем вопросам принимаются согласно «гласу народа»). Как бы технократы ни

относились к проводимой в обществе политике, они не свободны от нее и, более того, являются ее проводниками.

Технократы в принципе не лишены идеологических пристрастий. Но их общая идеология – это, прежде всего, всего сциентизм и техницизм. Технократический стиль управления, как правило, игнорирует социальные аспекты принимаемых решений. Если технократ становится способным их учитывать, он превращается в полноценного политического деятеля. Поэтому технократия (власть, осуществляемая выходцами из специалистов-«технарей») становится, в конечном счете, одной из характеристик современной представительной демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безрученко В.А. Социально-философский анализ класса технократов как комплексной элиты будущего // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 80–81.
- Бочарова С. Две трети регионов стали менее устойчивыми при губернаторах-технократах. Назначение таких руководителей снимает напряженность лишь временно, считают эксперты // Ведомости. 2019. 10 марта.
- Кокошин А.А. Технократия, технократы и неотехнократы. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
- Коломийцев В.Ф. Технократия V Республики // Вопросы истории. 1979. № 6. С. 78–85.
- Левкина А.О. Коннотации технократии в дискурсе о формах инновационного развития общества // Социум и власть. 2017. № 6. С. 13–20.
- Ципко А.С. О запросе на разум // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 179–181.
- Abraham J., Sheppard J.* Democracy, Technocracy and the Secret State of Medicine Control: Expert and None-expert Perspective // *Science, Technology & Human Values*. 1997. Vol. 22. No. 2. P. 139–167.
- Azrael J.R.* Managerial Power and Soviet Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966.
- Beckwith B.P.* Government by Experts. The Next Stage in Political Evolution. New York: Exposition Press, 1972.
- Bell D.* The Post-Industrial Society. The Evolution of an Idea // *Survey*. 1971. Vol. 17. No. 2. P. 102–168.
- Bertsou E., Pastorella G.* Technocratic Attitudes: a Citizens' Perspective of Expert Decision-making // *West European Politics*. 2017. Vol.40. Iss. 2. P. 430–458.
- Bucchi M.* Beyond Technocracy. Science, Politics and Citizens. New York: Springer-Verlag, 2009.
- Caramani D.* Will vs. Reason: The Populist and Technocratic Forms of Political Representation and Their Critique to Party Government // *American Political Science Review*. 2017. Vol. 111. No. 1. P. 54–67.
- Centeno M.A.* The New Leviathan: The Dynamics and Limits of Technocracy // *Theory and Society*. 1993. Vol. 22. Iss. 3. P. 307–335.
- Corrias L.* The Empty Place of European Power: Contested Democracy and the Technocratic Threat // *European Law Journal*. 2017. Vol. 23. Iss. 6. P. 482–494.
- Costa Pinto A et al.* Beyond Party Government? Technocratic Trends in Society and in the Executive // *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. Ed. by Costa A. et al. Cham: Springer Nature, 2018.
- Covin J.G. et al.* Strategic Decision Making in an Intuitive vs Technocratic Mode: Structural and Environmental Considerations // *Journal of Business Research*. 2001. Vol. 52. Iss. 1. P. 51–67.
- Esmark A.* Maybe It Is Time to Rediscover Technocracy? An Old Framework for a New Analysis of Administrative Reforms in the Governance Era // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2017. P. 501–516.
- Gilley B.* Technocracy and Democracy as Spheres of Justice in Public Policy // *Policy Sciences*. 2017. Vol. 50. Iss. 1. P. 9–22.
- Kickbusch I.* Politics or Technocracy – What Next for Global Health? // *International Journal of Health Policy and Management*. 2016. Vol. 5. No. 3. P. 201–204.
- Lumer H.* On «Postindustrial Society» // *Political Affairs*. 1973. Vol. 52. No.1.
- Olson R.G.* Scientism and Technocracy in the Twentieth Century: The Legacy of Scientific Management. Lanham, MD: Lexington book, 2016.
- Putnam R.D.* Elite Transformation in Advanced Industrial Societies. Empirical Assessment of the Theory of Technocracy // *Comparative Political Studies*. 1977. Vol. 10. No. 3. P. 383–412.
- Ribbhagen C.* What Makes a Technocrat? Explaining Variation in Technocratic Thinking among Elite Bureaucrats // *Public Policy and Administration*. 2011. Vol. 26. No. 1. P. 21–44.
- Ryan Ph.* «Technocracy», Democracy... and Corruption and Trust // *Policy Science*. 2018. Vol. 51. Iss. 1. P. 131–139.
- Sanchez-Cuenca I.* From a Deficit of Democracy to a Technocratic Order The Postcrisis Debate on Europe // *Annual Review of Political Science*. 2017. Vol. 20. P. 351–369.

- Sawyer S.W., Feldman S.L. *Technocracy Versus Reality: Perceptions in Solar Policy // Policy Sciences*. 1981. Vol. 13. No. 4. P. 459–472.
- Williams M.E. *Market Reform, Technocrats and Institutional Innovation // World Development*. 2002. Vol. 30. No. 3. P. 395–412.

Статья поступила: 26.02.19. Финальная версия: 03.03.19. Принята к публикации: 13.03.19.

TECHNOCRACY: HOPES AND RISKS

FARUKSHIN M. Kh.

Kazan (Volga region) Federal University, Russia

Midkhat Kh. FARUKSHIN, Dr. Sci. (Phil.), Prof. of Politology Department, the Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia (Midkhat.Farukshin@kpfu.ru).

Abstract. The article is devoted to analysis of the main tenets of technocratic conception, which appeared as result of industrial and scientific/technological development. The aim of study is to consider the above tenets taking into account the real technocracy's activity. There are discovered the main signs of technocracy and its role in elaboration and realization of scientific-technical and industrial projects. It is difficult to overestimate the role of technocrats in strategic planning. Russia needs these people and relies on them as a force able to put up the country to advanced positions in the world. There is pointed out that domination of technocrats can create some risks for society. In view of the supporters of technocracy the latter implies a rejection of democracy. The author substantiates the idea that domination of technocrats contradicts not democracy as such but the direct one. Technocratic governance doesn't exclude important institutes of democracy such as elections, political competition, separation of powers, political opposition and political parties, freedom of speech and presence of alternative sources of information, rights and freedoms of individual and others but restricts the role of mass political participation in solving complex social and economic problems. There are suggested some variants for combination of professionalism and democratic participation. Attitudes of technocrats to politics, ideology and social policy are discussed. Contrary to the view that technocrats are alienated from politics author suggests that technocrats are not apolitical actors. There is no wall between technocrats and politicians. Technocrats cannot be free from politics. They work in the definite political and ideological environment that determinates requirements for governance apparat and character and goals of governance system. Technocrats act in framework of social and political priorities arranged by politicians.

Keywords: technocracy, technocrat, ruling group, governance, democracy, mass political participation, politics, ideology, social policy.

REFERENCES

- Abraham J., Sheppard J. (1997) Democracy, Technocracy and the Secret State of Medicine Control: Expert and None-expert Perspective. *Science, Technology & Human Values*. Vol. 22(2): 139–167.
- Azrael J.R. (1966) *Managerial Power and Soviet Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Beckwith B.P. (1972) *Government by Experts. The Next Stage in Political Evolution*. New York: Exposition Press.
- Bell D. (1971) The Post-Industrial Society. The Evolution of an Idea. *Survey*. Vol. 17(2): 102–168.
- Bertsou E., Pastorella G. (2017) Technocratic Attitudes: a Citizens' Perspective of Expert Decision-making. *West European Politics*. Vol. 40(2): 430–458.
- Bezruchenko V. (2014) Social and Philosophical Analysis of Technocrats' Class as the Over-all Elite in the Future. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. No. 3: 80–81. (In Russ.)
- Bocharova S. (2019) Two Thirds of the Regions Became Less Stable under the Governors-technocrats. *Vedomosti* [Gazette]. March, 10th. (In Russ.)
- Borshevskii G.A. (2018) Mechanisms of Recruiting and Efficiency of Federal Administrative Elite. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 80–92. (In Russ.)
- Bucchi M. (2009) *Beyond Technocracy. Science, Politics and Citizens*. New York: Springer-Verlag.
- Caramani D. (2017) Will vs. Reason: The Populist and Technocratic Forms of Political Representation and Their Critique to Party Government. *American Political Science Review*. Vol. 111(1): 54–67.
- Centeno M.A. (1993) The New Leviathan: The Dynamics and Limits of Technocracy. *Theory and Society*. Vol. 22(3): 307–335.

- Corrias L. (2017) The Empty Place of European Power: Contested Democracy and the Technocratic Threat. *European Law Journal*. Vol. 23(6): 482–494.
- Costa Pinto A et al. (2018) Beyond Party Government? Technocratic Trends in Society and in the Executive. In: *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. Ed. by Costa A. et al. Cham: Springer Nature.
- Covin J.G. et al. (2001) Strategic Decision Making in an Intuitive vs Technocratic Mode: Structural and Environmental Considerations. *Journal of Business Research*. Vol. 52(1): 51–67.
- Esmark A. (2017) Maybe It Is Time to Rediscover Technocracy? An Old Framework for a New Analysis of Administrative Reforms in the Governance Era. *Journal of Public Administration Research and Theory*: 501–516.
- Gilley B. (2017) Technocracy and Democracy as Spheres of Justice in Public Policy. *Policy Sciences*. Vol. 50(1): 9–22.
- Kickbusch I. (2016) Politics or Technocracy – What Next for Global Health? *International Journal of Health Policy and Management*. Vol. 5(3): 201–204.
- Kokoshin A.A. (2009) *Technocracy, Technocrats and Neotechnocrats*. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)
- Kolomiytsev V.F. (1979) Technocracy of V Republic. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 6: 78–85. (In Russ.)
- Levkina A.O. (2017) Connotations of Technocracy in Discourse Concerning Forms Innovative Development of Society. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 6: 13–20. (In Russ.)
- Lumer H. (1973) On «Postindustrial Society». *Political Affairs*. Vol. 52(1).
- Olson R.G. (2016) *Scientism and Technocracy in the Twentieth Century: The Legacy of Scientific Management*. Lanham, MD: Lexington book.
- Putnam R.D. (1977) Elite Transformation in Advanced Industrial Societies. Empirical Assessment of the Theory of Technocracy. *Comparative Political Studies*. Vol. 10(3): 383–412.
- Ribbagen C. (2011) What Makes a Technocrat? Explaining Variation in Technocratic Thinking among Elite Bureaucrats. *Public Policy and Administration*. Vol. 26(1): 21–44.
- Ryan Ph. (2018) «Technocracy», Democracy ... and Corruption and Trust. *Policy Science*. Vol. 51(1): 131–139.
- Sanchez-Cuenca I. (2017) From a Deficit of Democracy to a Technocratic Order The Postcrisis Debate on Europe. *Annual Review of Political Science*. Vol. 20: 351–369.
- Sawyer S.W., Feldman S. L. (1981) Technocracy Versus Reality: Perceptions in Solar Policy. *Policy Sciences*. Vol. 13(4): 459–472.
- Tsipko A.S. (2009) On Inquiry of Intellect. *POLIS*. [Political Studies]. No. 4: 179–181. (In Russ.)
- Williams M.E. (2002) Market Reform, Technocrats and Institutional Innovation. *World Development*. Vol. 30(3): 395–412.

Received: 26.02.19. Final version: 03.03.19. Accepted: 13.03.19.